

Неизвестно, сколько прошло времени. Ночь стояла прохладная, словно вода. Лунный свет пробивался сквозь прутья птичьей клетки, рассыпаясь серебристыми искрами по меху белой лисицы, на котором лежал Си Юй. Он сжался в комок. Место, где была ампутирована голень, все еще ныло, и хотя пилюля Конденсации Эссенции притупляла боль, воспоминания о том, как рвалась плоть, подобно лианам, оплетали его сознание. Он смотрел своими небесно-голубыми глазами в темную комнату, и единственным звуком было его собственное тихое дыхание. Цзинлю куда-то ушла, оставив после себя тишину, которая пугала даже больше, чем ее присутствие.

Возможно, из-за того, что многодневный страх и усталость выпили все силы, веки Си Юя отяжелели. Сознание начало тонуть в полудреме, пока окончательно не провалилось в сон.

Больше не было ледяного плена и невыносимой боли в ноге. Во сне его окутало теплое, мягкое сияние. Он словно оказался посреди бескрайнего моря цветов. Под ногами стелилась мягкая трава, воздух был напоен сладким ароматом, и даже сама атмосфера казалась удивительно уютной. Пока он в недоумении оглядывался, из глубины этого света донесся голос, мягкий, как прикосновение перышка к самому сердцу:

— Дитя мое, наконец-то я тебя нашла.

Си Юй резко поднял голову. В центре цветочного моря, на небольшом возвышении, восседало некое существо. Кожа его была настолько белой, что казалась прозрачной, а лицо, в котором невозможно было угадать ни мужских, ни женских черт, обладало странной, завораживающей красотой. На голове ветвились изящные оленьи рога, отливающие нежным нефритовым блеском. Позади, в воздухе, парил светящийся ореол в форме колосьев, каждый из которых мерцал теплым золотом. Шесть рук, похожих на гибкие лианы, плавно двигались, касаясь лепестков. На руках и голенях, там, где виднелись черные трещины, зрели ярко-красные плоды — они слегка пульсировали, словно живые, напоминая приоткрытые глаза, но в них не было ничего пугающего, лишь странная, щемящая нежность. Существо было украшено золотыми и медными аксессуарами, а пояс и руки обвивали лозы и терновник. Казалось, острые шипы на нем были созданы не для того, чтобы ранить, а чтобы защищать. Существо сидело, опустив одну ногу, и кончики пальцев едва касались травы, что придавало его божественному облику оттенок земной мягкости.

Это был Эон — Изобилие, Яоши. Имя само всплыло в сознании Си Юя. Это не было подсказкой системы, это было глубокое, душевное узнавание. Он невольно сделал шаг вперед, но тут же замер, охваченный робостью. В его небесно-голубых глазах читалось замешательство.

Яоши опустила ресницы, уголки ее губ тронула ласковая улыбка. Две из шести рук приподнялись в приглашающем жесте, а голос остался таким же нежным, но в нем зазвучала явная материнская любовь:

— Не бойся, Си Юй. Я — твоя мать.

— Мать? — Си Юй опешил. Это слово казалось ему чем-то бесконечно далеким. Он пришел из другого мира и никогда не знал подобных уз, тем более с существом, которое было могущественным Эоном. Он открыл рот, чтобы возразить, но горло будто сдавило спазмом. Он

не мог произнести ни звука и позволил аромату Йоши окутать себя. Это было чувство, теплее солнечного света и мягче весеннего ветра, от которого его напряженные нервы наконец начали расслабляться.

Увидев, что он перестал сопротивляться, Йоши медленно поднялась. Четыре из шести ее рук бережно обняли его. Объятия оказались вовсе не холодными — от них веяло свежестью растений и сладостью плодов. Шипы на ее руках осторожно отвелись в сторону, позволяя мягким лианам лишь слегка касаться его спины, словно успокаивая напуганного детеныша.

— Дитя мое, как же ты настрадался, — в голосе Йоши послышалась едва уловимая боль. Ее пальцы нежно погладили его короткие белые волосы. — Я знаю все, что ты пережил на Лофу, и знаю, как чужд и страшен тебе этот мир.

Си Юй прижался к Йоши, впитывая тепло, которого никогда не знал прежде. Его глаза внезапно защипало. Страх, обида и беспомощность, что копились в глубине души, нашли выход — слезы беззвучно покатались по щекам, смачивая лианы на одеянии Йоши. Он хотел спросить, почему он здесь, почему стал таким, почему его пленила Цзинлю, но слова застряли в горле, превратившись в тихий всхлип.

Йоши поглаживала его по спине, словно баюкая младенца. Другой рукой она сорвала колос и протянула его Си Юю. Мягкое сияние колосьев упало на его лицо, разгоняя тени в глазах.

— Я знаю, у тебя много вопросов, — голос Йоши оставался мягким, но в нем проступила твердость. — Я — Эон Изобилия, и вся моя жизнь посвящена тому, чтобы жизнь процветала и не знала конца. Я не могу вынести, когда живые страдают от увядания и болезней. Ты — дитя, рожденное мною в долгие века из моей собственной силы Изобилия. Ты несешь мою кровь и должен был расти в благодатном краю Изобилия, но из-за преследований Охоты и хаоса во Вселенной твоя душа была утеряна и случайно попала в другие миры.

Она сделала паузу, и в ее опущенных глазах на мгновение мелькнул фанатичный блеск, который тут же сменился нежностью.

— Я искала тебя. Даже когда меня преследовали все последователи Охоты, даже когда мир нарек меня Прародительницей порчи долголетия, я не сдавалась. Я лишь хочу, чтобы ты жил — жил долго, в здравии и радости. Это мое стремление как матери и как Эона Изобилия.

Слушая Йоши, Си Юй начал понимать многое. Его появление здесь не было случайностью, а эта странная связь была предопределена. Но он все еще не понимал: почему эта защита привела его к таким мучениям? Безумие Цзинлю, боль от потери ноги, холод клетки — неужели это тоже часть Изобилия?

Йоши словно прочла его мысли. Она нежно поцеловала его в лоб, и в ее голосе послышалась легкая досада, смешанная с решимостью:

— Дитя мое, благословения Изобилия порой понимают превратно, точно так же, как люди Сяньчжоу когда-то жаждали бессмертия, но, не выдержав его бремени, впали в бедствие. Одержимость Цзинлю тобой проистекает из ее неверного толкования твоей сути и ее сложных

чувств к Изобилию. Это не было моим замыслом, но это испытание, которое тебе предстоит пройти.

Ее пальцы коснулись переносицы Си Юя, и теплая золотистая энергия хлынула в его тело, мгновенно вытесняя ноющую боль в ноге.

— Но помни: в твоих жилах течет моя кровь, ты обладаешь силой Изобилия. Эта сила дана не для того, чтобы ты страдал, а чтобы ты защитил свободу и радость, к которым стремишься.

Си Юй почувствовал, как по телу разливается тепло. Его тело, отягощенное увечьем, стало легче, а дух воспрял. Он поднял голову, глядя в это неземное лицо, и в его небесно-голубых глазах стало меньше растерянности и больше решимости:

— Мать, я... я хочу выбраться из клетки Цзинлю. Я хочу найти путь домой или... найти жизнь, которая будет принадлежать только мне.

Яоши улыбнулась, и в этой улыбке стало больше утешения. Она прижала его к себе крепче.

— Хорошо, дитя мое. Мать поможет тебе. Я посею в твоей душе семя Изобилия, и когда тебе понадобится сила, оно придет на помощь. Но помни: сила Изобилия не всесильна, она требует воли, чтобы направлять ее. Как я следую своему Пути, так и ты должен твердо держаться своего выбора.

Ее голос начал звучать глуше, а тепло в объятиях стало таять.

— Время вышло, Си Юй. Тебе пора просыпаться. Помни: что бы ни случилось, мать всегда рядом. Твоя кровь — твоя самая надежная опора.

— Мать! — Си Юй инстинктивно протянул руку, но схватил лишь пустоту. Цветочное море, теплые объятия и сама Яоши растворились в сиянии, оставив лишь легкий аромат растений, напоминающий о том, что это не было сном.

Он резко открыл глаза и обнаружил, что по-прежнему лежит в клетке из черного железа. Лунный свет все так же падал на мех. Место ампутации все еще болело, но боль стала гораздо слабее, и внутри он до сих пор чувствовал слабое, едва уловимое тепло. Он коснулся лба — там словно остался след от прикосновения пальцев Яоши. В его глазах больше не было прежнего отчаяния, лишь надежда и твердость.

Оказалось, он не одинок. Оказалось, у него есть сила, на которую можно опереться. Как бы крепка ни была клетка Цзинлю, она не удержит его жажду свободы. И как бы чужд ни был этот мир, в нем есть смысл для его существования. Он посмотрел на свои белые пальцы, и девять лисьих хвостов за его спиной плавно качнулись — они больше не были взъерошенными и напряженными, в них чувствовалась живая энергия.

— Мать, я не разочарую тебя, — прошептал он про себя, и в его взгляде вспыхнул огонек, которого там никогда раньше не было. Он знал: побег от Цзинлю нельзя откладывать, и сила,

дарованная Яоши, станет ключом к его освобождению. В грядущие дни ему нужно быть осторожнее и терпеливее, дожидаться подходящего момента, чтобы вырваться из этой роскошной темницы и найти жизнь, которая принадлежит ему по праву.

За окном в море облаков забрезжил рассвет. Си Юй закрыл глаза. Он больше не ворочался, а молча впитывал в себя крупницы силы Изобилия, выстраивая план побега. Клетка все еще была вокруг, но его сердце уже устремилось к свободе.

<http://bllate.org/book/20757/2081631>